

18+

Михаил Мишанихин
Катя Мишлен

Михаил Мишанихин

Катя Мишлен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70915411

ISBN 9785006427648

Аннотация

Мы однажды садимся в поезд Жизни. Рядом с нами друзья-попутчики, встречные-поперечные. Наступает момент, когда расскажешь, выплеснешь из себя груз, не дающий покоя, уйдёт тяжесть с кем-то. Станет легче.

Содержание

Катя Мишлен	5
рассказ	6
Она ничего больше не сказала, посидела	22
немного рядом, провела ладонью по руке	
девушки, и неспешно растворилась в аллее.	
Не зацепились тогда слова старушки	
стихи	27
А в книжке	29
Александру Блоку	31
А может, кто-то...	32
Антиквар владелец времени	33
Астра	34
«Ах, деревня! Дивный воздух!..»	35
Баба с возом	36
Бабье лето	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Катя Мишлен

Михаил Мишанихин

Дизайнер обложки Екатерина Андреевна Мишанихина

© Михаил Мишанихин, 2025

© Екатерина Андреевна Мишанихина, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0064-2764-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Катя Мишлен

рассказ

Я заходил в вагон с желанием сосредоточенно поработать, подбить итоги очередной поездки. Расположился в пустом купе, достал всё необходимое, и принялся было за заметки в блокнотах; как вошла попутчица. Миловидная, ухоженная женщина. Она была в том возрасте, когда девичье очарование окончательно воплотилось в женскую красоту, а в глазах ещё сверкали озорные искорки. Плавные движения. В жестах забота и участие, которые мы называем тактичностью.

Мои прежде собранные мысли растаяли и я, вроде бы зачитавшись, поглядывал на симпатичную соседку.

– Извините. Помешала, – прикоснулась она мягким голо- сом, заметив моё внимание.

Немного постояв в дверях, она стала располагаться: неторопливо сняла чёрные замшевые перчатки, кашемировое пальто розового цвета, чёрный шёлковый шейный платок и села напротив меня, аккуратно расправив юбку чёрного платья. Синий саквояж в компании синей сумочки с длинным ремешком расположились рядом.

– Ну, здравствуйте! Зовут меня Катя.

Я ответно представился, и, чтобы дать ей возможность спокойно переодеться, вышел из купе, сославшись на перекур.

«Что принесёт эта встреча? Женское общество всегда дарит житейские истории, если, конечно, найдём общий язык...»

Первое впечатление о попутчице отвечало на это утверди-

тельно. Выбросив окурок в урну, я с последними пассажирами вернулся в вагон. Вскоре локомотив прощально гуднул, и поезд тронулся.

Она бежала с подружкой по берегу моря и бросала в воду камушки. Купаться сегодня не хотелось, а настроение было озорным. Девочки спешили в свой секретный уголок. Там высокая старая скала отломилась для них большой кусок. Он выглядывал из воды ровной площадкой, на которой могли поместиться лишь они – две Кати, беленькая и чёрненькая.

Дружили девочки с раннего-раннего детства. Проводили вместе всё свободное время, разве что на уроках, зимой или в непогоду, когда Чёрное море штормило, подружки были поодиночке. От того, что звали их одинаково, считали себя сёстрами и дорожили общими секретами и привычками. Всё у них было общим: игрушки, прогулки, книги. Даже платьями менялись, благо телосложения были равными.

– Знаешь, мы сегодня в школе читали прелестное стихотворение, – сказала белокурая Катя, и мечтательно глядя вдаль, – Ты помнишь? В нашей бухте сонной спала зелёная вода, когда кильватерной колонной вошли военные суда... Красиво.

Вдруг встрепенулась.

– Катя, ты завтра меня догонишь! Как на Катины именины испекли мы каравай...

– Ага. Завтра мне тоже двенадцать! Вот такой вышины,

вот такой ширины...

Девочки сидели на камне, опустив ноги в воду. Волны ласкали их. Гладило солнышко. Ветерок нежно обнимал. И подружки-сестрёнки улыбались и морю, и ветру, и солнышку.

Пять лет прошло с того дня. Пять лет! Не так уж и быстро. Подружка после девятого класса уехала с родителями в Россию. Странно тогда это было: большая страна, Великая держава развалилась, казалось, в одночасье на, неизвестно от кого, независимые республики.

С отъездом подружки Катя заметила в себе перемены. Да, также весело и непринуждённо общалась со сверстниками, но отношения были вынужденными и поверхностными. Она рассталась с косами, и теперь её милую головку украшало светло русое каре. Давняя любительница чтения она стала ещё больше времени проводить с книгами. Читала яростно, много и разное. Лишь только Блок...

Александр Александрович Блок! Великий Гений! Повелитель её дум и чувств. Никто другой, никакой иной автор не мог затронуть её души, не мог рассказать о мире, любви, дружбе. Вначале она упивалась его лирикой, его слогом. Тогда рядом была Катя. Теперь она трепетно касалась наизусть выученных, до малой морщинки знакомых строк, проникала в его жизнь через биографии, воспоминания его знакомых и современников. Только Александр Блок и она на плоском куске древней скалы.

Август. Возле камня стайка медуз. Катя опустила ноги

в воду (аурелии не опасны), закрыла томик стихов и мечтательно смотрела на горизонт. Скоро, совсем скоро она почувствует кумира, погуляет по его улицам, вдохнёт его настроение.

Вступительные экзамены в универ она сдала, хоть и с огромным волнением, но легко. Мамин брат, дядя Володя, помог с гражданством, обещал присмотреть за племянницей. Родители всё равно волновались – время беспокойное, и отпускать дочку так далеко не хотели. Ничего, сестрёнка-шалунья Маша их отвлечёт от переживаний. Да и она не покидает Крым навсегда. Каникулы же будут. После универа... Нет, Катя не заглядывала так далеко.

Поезд остановился возле маленького вокзала.

– Давайте пить чай! – моя попутчица по-хозяйски гостеприимно подвинула стаканы в центр столика.

Надо заметить, что с Екатериной купе стало домашним. Никогда прежде, в других поездках, я не чувствовал себя так уютно. Дорога и дорога. Поезд и поезд. Попутчики вынужденно сошлись и разошлись, забыв друг о друге. В этот раз было иначе. Мы – словно старые знакомые или дальние-дальние родственники.

Я попросил проводницу принести нам кипятка. Сходил на перрон за пирожками. Покупка продуктов на перроне – лотерея: пронесёт – не пронесёт. В этот раз повезло: пирожки с яблоками были и вкусными, и мирными, без послед-

ствий.

Поезд стоял минут двадцать. Мы рассматривали прохожих за окном. На скамейке против нас, держа в опущенной руке бутылку с пивом, лежал уставший пассажир. Полицейских рядом не было, и никто его не тревожил. Семья с багажом остановилась возле него на минутку, что-то проговорила и пошла дальше. Мимо окна пробежал с чемоданом на колёсиках молодой мужчина – верно, торопился на наш поезд. По правую руку от нас сидела в тени пёстрого клёна девушка, увлечённо читая книгу, что редкость в наши дни.

Поезд вздрогнул, и картинка за окном поплыла. Дорога продолжилась. Я бросил взгляд на новые записи в блокноте.

– При близком знакомстве Петербург впечатлил ещё больше, – тихо, словно стесняясь, произнесла Екатерина.

Первые дни в университете. Лекции. Новые знакомства. Лица, лица, лица... После провинциальной, хоть и курортной Ялты с её маленькими улочками, помпезный Петербург ощущался огромным, неохватным. Проспекты, улицы, каналы, лабиринты дворов и лица, лица, лица... Не до усталости было Кате, не до мигрени.

Конечно же учёба. Дядя Володя и его жена по-первости внимательно следили за этим. Со временем опека ослабла. В городе становилось беспокойно, и майор милиции Владимир Осипов постоянно пропадал на работе. Да и тётя Юля пахала, как ... (нет слов), на двух работах: в школе и ЖЭКе.

Двоюродному брату было совсем не до кухни. Катя переселилась в общагу.

Студенческая жизнь распустилась пышным цветом. Лекции, литературные посиделки, волшебным образом квартирки и Мариинка. Раз в месяц посещения Крупы (книжная ярмарка в ДК им. Крупской) в поисках редкой книги.

Её окружали такие же фаны литературы. Кто-то хотел стать великим писателем-поэтом-драматургом, кто-то критиком. Все они дышали «Словом». Как же она радовалась, узнав о категорическом увлечении соседки по комнате Веры! Соседка не признавала ничего, кроме литературы Серебряного века.

Отдельным ритуалом Кати были маршруты по Блоковским местам. Дом на Лахтинской был, без сомнений, самым излюбленным местом. Катя всенепременно посещала одну из близ расположенных кафешек, прежде пройдя по окрестностям. Она всматривалась в лица посетителей и разочарованно выдыхала: «Не Он!». В поисках встречи с «похожим на Блока» она нередко стояла на Лазаревском мосту, но и здесь среди прохожих не приближался и близко схожий с Ним. Музей на Декабристов 57 она изучила досконально.

Нигде и намёка на осуществление мечты: встречу с реинкарнацией Великого Гения. Меньшего Кате не нужно. Каждый день она думала об этом, так адепт ждёт прихода Мессии.

Это случилось в день её девятнадцатилетия. Традиционно

плывя по Лахтинской, она забрела в двор-колодец. Тишина, не присущая погожему майскому дню, была абсолютно пустой, а не до звона в ушах. Мыслей тоже не было. Стеснительно прозвенел колокольчик и из-за правого плеча глухой, монотонный голос произнёс:

– И каждый вечер в час назначенный девичий стан, шелками схваченный...

Резко обернувшись, Катя оборвала говорившего, но... Рядом никого. Она огляделась. Чёрные глазницы серых стен до самого неба. В арке выхода невысокое призрачное изваяние. Катя сделала шаг к нему. И тут же тень исчезла.

– Клиника, – решила девушка.

Стараясь смахнуть наваждение, отправилась домой. Очаровательный испуг не покидал её всю дорогу. Ни толчея метро, ни шум согревшегося под солнцем города, ни Вера с ярким анонсом какой-то выставки не прогнали мурашки и таинственный голос в этот день.

Юность в любые времена (сытые ли это семидесятые, лихие ли девяностые) возьмёт своё. Впереди целая жизнь. Тридцатилетие – это не про нас. Это где-то за горизонтом. Шум, веселье, песни... Все дела по плечу. Откуда появлялись средства на развлечения и исполнение маленьких желаний не известно. Старика Хоттабыча в друзьях не было. И всё же.

Сентябрь, костёр и Финский залив. Однокашники, решив отметить начало нового курса, выбрались из города. Маль-

чишки притащили Портвейн, девочки – нехитрую снедь. Главное: гитара и общение. Целые каникулы прошли врозь!

Погуляв с Верой по воде, напевшись у костра песен, Катя захотела в близлежащий Сестрорецк. Вера поддержала. Пообещав вернуться к закату, подружки ушли. Вера вела. Сколько всего она знала об этом городке! И не мудрено – в начале века здесь жили поэты и писатели. Вера наизусть читала Гиппиус, Северянина. Блоком подхватывала Катя. А в прибрежном парке...

Не может быть!

Под большим боярином-дубом сидел Он. Тонкие черты усталого лица под чёрными кудрями венчали худощавое тело в чёрном костюме и серой рубашке. Да! Это Он, которого она так долго искала. Точно он. Не бывает случайного сходства, да ещё такого поразительного.

Повинуясь желанию, Катя подошла к незнакомцу, и застыла в молчании. Парень не обращал на неё внимания. Откинувшись на ствол, он рассматривал неподвижными глазами крону дерева. Она осталась рядом, отмахнувшись от зовущей Веры. В Питер вернулась с ним. Парня, конечно же, звали Александром.

Они начали встречаться. Виделись, лишь когда хотел он. Раза три в неделю. Он объяснял это занятостью, плотным графиком работы. Это ничего. Вся жизнь впереди. Жизнь рядом с ним.

Александр не любил стихов. Совсем. На свиданиях он

рассказывал ей о Петербурге. Они много гуляли, а дожди проводили в парадных. Так прошла осень.

В декабре Катя узнала, что Питер – очень маленький город. В тот день она ездила к одной знакомой. Засиделась. Возвращалась поздно. На одном из перекрёстков недалеко от Невского автобус остановился. Катя равнодушно смотрела в окно. Словно кипятком ошпарило. Нет, она не могла его спутать ни с кем. Её Александр хлестал по лицу вульгарно одетую девушку. Или женщину? Не важно. Сквозь шум, через стекло автобуса Катя слышала, как он свирепо кричал отборным матом, и бил, бил, БИЛ! девушку наотмашь. Неподалёку жалась друг к дружке стайка таких же ярко прикинутых девчонок.

Приехала Катя в общагу в слезах. Никак не могла поверить своим глазам. Ведь это её Александр!

– Что это было? – спросила она при встрече, – Ведь это же был не ты?

– Не лезь, дура! Так надо, – резко отмахнулся он.

Катя ушла. Он не объяснялся, не звал, не просил вернуться. А через неделю к ней в комнату вломилась бригада наркоконтроля. Перевернули всё. Искали наркотики. Ничего не найдя, Катю забрали с собой.

Дядя Володя из милиции вытащил. У Кати началась депрессия. Долгая, тягучая, невыносимая. Силы и радость покинули её. Апатия. Она не ходила в универ. Не тянуло к книгам.

Так продолжалось неделю, может, две; а потом Катя бросилась во все тяжкие: клубы, тусовки, случайные компании. Хорошо, хватило ума не сесть на наркоту и синьку. Праздничная жизнь была протестом против жизни тихой, умной и наивной. Прочь. Всё долой! Из дома, как прежде приходили деньги, но их не хватало.

Очнулась Катя месяца через два, когда замаячила перспектива быть отчисленной из универа и, как следствие, остаться без жилья. За время загула отношения с Верой, мягко говоря, испортились. С ужасом Катя смотрела на ситуацию: как за такой короткий срок всё переменялось?! Вернуть прежнее состояние она не могла. Оставалось только принять действительность и жить дальше.

Питер стал для неё другим, словно дождь смыл волшебную акварель гениального художника. Стройные башни потекли, цветы декора обратились в кляксы. Всё вокруг было грязным и липким.

– Давайте отдыхать, – предложила Екатерина, – Поздно уже.

Тяжело давался ей этот рассказ. Хоть и была на бледном лице улыбка, но глаза были грустными и, кажется, с капельками слёз в уголках.

«Надо обязательно записать её историю. Рассказ, а то, может, и на повесть замахнуться, – думал я, засыпая, – Какая насмешка судь...»

Стук колёс убаюкал.

Утром мы позавтракали омлетом из вагона-ресторана и кофе. Я скоро начал записывать воспоминания вчерашнего рассказа Екатерины.

– Я вижу, вы неразлучны с блокнотом и ручкой. Я вам, наверное, мешаю?

– Нет-нет. Пустяки.

– А я писала стихи, – робко призналась она, и обворожила улыбкой, – Знаете, они со мной. Дочка отдала. Случайно попали к ней при переезде. Она в институт поступила. В Питер.

Екатерина достала из саквояжа обвязанную красной лентой стопку бумаги.

– Дарю их вам. – попутчица протянула мне подарок, – Может, сгодятся.

– Так-то да. Очень интересно. Я ведь и сам немного пишу, – ответным подарком был сборник рассказов о Беково.

– Это ведь в Пензенской области?

– Да. Я роддом оттуда.

– Никогда не была, хотя одно лето, вернее неделю, жила в по-соседству. Ханаево. Знаете?

– Конечно.

– Когда училась в Пензе, у подруги гостила.

Появилась Катя в Пензе очень даже просто: на поезде с пересадкой в Москве. Почему именно Пенза? Тоже всё просто: подруга детства, «сестрёнка» Катя переехала из Ялты

с родителями именно в этот город. Девочки и на расстоянии друг от друга продолжали общаться: переписываться, перезваниваться; так что «Катя чёрненькая» была в курсе всех душевных мытарств своей подружки.

– Давай ко мне, – прощebetала она в телефон, когда узнала, что Катя на распутье, – Ведь отличница поступит куда угодно. Или не так? А ВУЗов здесь предостаточно. Приезжай. Всё будет окей.

Выбор невелик. Домой возвращаться с такими успехами не хотела – стыдно что ли. Причину переезда родителям объяснила опасной жизнью в Петербурге. Хотя где в те годы было спокойно? 1995-й – везде жуть и мрак, а профессию получать нужно. Начала учиться на экономиста. Капитализму лирики не нужны, да и родители выбор поддержали.

– Взялась за ум наконец-то, а то всё витаешь в облаках.

О, эта магия чисел! Не та, что у астрологов и иже с ними. Магия земная, где за каждой цифрой люди со своим опытом и стремлениями. Числа в правильном порядке открывают перспективу, историю, будущее, показывают ход развития. Ритм, стройность, красота.

Квартировалась Катя у знакомой подружкиных родителей, одинокой бездетной женщины. Хорошо приняла тётя Настя, как к дочке, к ней отнеслась. Неизвестно чем Катя угодила ангелам, но жизнь складывалась, как в бездарном романе о «розовых соплях», что пестрели на книжных развалах в те годы.

Маленький город, местами напоминающий родную Ялту. Дружная компания студентов разных факультетов и институтов. Жизнь забила благостным животворящим ключом. Ух! где они только не были всей компанией. Карелия, Урал, Байкал... она их возила в Крым. Посчитай пол страны объехали. На Кавказ только не гонялись – на Кавказе тогда война была.

Глядя на своих подружек, Катя тоже поспешила замуж. Высокий, сильный, деловой. Они были красивой парой. По слухам многие девочки Пензы завидовали ей. Свадьбу играли в каком-то санатории. Приезжали мама с папой и сестрёнкой. Гости с его и с её стороны. Казалось, весь город пришёл их поздравить.

Только тётя Настя почему-то не радовалась. Как узнала о Катиной свадьбе, так, словно подменили её. Прежде участливая, заботливая, стала холодной и злой: не человек, а дикая кошка.

После свадьбы полетели в Испанию. Вот оно женское счастье: рядом заботливый муж.

А через год выяснилось, что есть сложности с беременностью. Сергей сдал анализы – результат положительный. А у неё начались поездки, обследования, клиники и вновь обследования, бабушки-шептуны... Поезда, корабли, самолёты. Те дни, даже по прошествии времени, – огромная куча-мала. Катя начала сходить с ума от бесконечной неразрешённости, чувствовала себя подопытной зверушкой,

противной самой себе. Периодически Сергей отправлял её на курорты, иногда ездил с ней. Ничего не помогало. Ничего!

– Катя, у меня другая женщина, – объявил однажды Сергей.

Всё последующее проходило в тумане обречённости. Вселенское одиночество обрушилось на Катю. Подруги утешали, как могли, старались отвлечь, но даже «сестрёнка» детства, прежде успешно справлявшаяся, не в силах была помочь. Тяжело. А ночами снились младенцы.

– Сходи, дочка, в церковь, – предложила однажды незнакомая старушка, сидевшей в парке Кате.

**Она ничего больше не сказала,
посидела немного рядом, провела
ладонью по руке девушки,
и неспешно растворилась в аллее.
Не зацепились тогда слова старушки**

Катя решительно отправилась домой, в Ялту. Хотела вернуться в детство что ли. Там, в родных стенах найдёт покой, море смоет печаль, а сердце отогреется под южным солнцем. Но не успокоила душевную боль родительская забота.

За что ей это всё? В чём она провинилась? Кому нужна такая? За что??

Книги по эзотерике начала читать, в гороскопы разные лазить. Копалась в своей жизни Катя. Не находя постыдного, придумывала разное, напраслину наводила. Да и у кого из нас нет грехов?

Бродит человек во тьме. Бьётся в стены. Падает. Ищет хоть искру света. Рядом родные, но не родственные. Все говорят не о том, хотя, вроде бы, и по делу. Замкнут человек в себе. Где выход? Есть ли ключ от него?

Как же я не люблю, когда душевный, можно сказать, интимный разговор кто-то прерывает. Врывается в него.

Дверь купе резко открылась.

– Чиво? Соскучились без меня? – ворвался визгливый женский голос, и вслед за ним впихнулась женщина с красным лицом и бутылкой вина, зажатой в вытянутой руке, – Ой! Я не туда! Хотя?! – не прошенная гостья задумалась, – А чё бы не здесь? Хватит скучать, голубки!

Я недовольный встал.

– Женщина...

– Сидите, – остановил меня спокойный голос Екатерины. Непривычно менторские нотки главенствовали в нём, – Я разберусь, – и обернувшись к гостье, – Тебя сюда звали? Выйди отсюда!

Не хочу попадать под давление такого взгляда, когда не принижают, но с огромной силой жалеют. Словно ты – любимое животное, которое нагадило в углу. Не желаю слышать ровный голос, который, словно гладит, но лучше бы ругал.

Екатерина величаво поднялась из-за столика. Вышла вслед за необъявленной посетительницей.

Как переменчивы женщины! Минуту... меньше минуты назад она была маленькой девочкой, которую хотелось обнять. Вторглись в её мир, и она уже императрица, моментально принявшая решение о безопасности своего пространства.

Екатерина прервала мои мысли кротким «извините». Плавно закрыла дверь. Плавно села. Взглянула в окно, затем

в мои глаза.

– Знаете, так бывает. Я покупала билет на поезд с желанием всё прошлое забыть. Рассказать кому-нибудь и забыть. Навсегда. Бог послал мне вас. Не удивляюсь. Он всё делает так, как должно. Ведь всё Им, – она показала рукой на небо в окне, – предначертано. Кто мы? Кто? Дети его.

Я любовался ею: её голубыми, как сентябрьское небо, глазами, тонкими морщинками к уголкам глаз, губами, как лепестки красной розы.

– Вы записывайте, записывайте. Я же вижу, что вам интересно. Всё не просто так. Я ведь и с настоящим мужем встретила по воле Божьей. Это было, как сейчас помню, в Оптиной Пустыне. Миша мне говорил, что знакомы с Пензы. Я не помню этого. Где? Когда? А вот после Оптины каждый день с ним помню. Мы около года перезванивались. Он писал мне письма. Я получала от него телеграммы и на праздники, и просто так. Свадьбу сыграли скромную без друзей и родственников. Получив благословение, расписались 8 мая, да в кафешке посидели. И в тот год я забеременела. Чудеса!

Екатерина светилась. Даже её спортивный костюм тёмно-серого цвета, в котором она ехала, светился. Хотя зажмурился я, вероятно, от солнечных лучей, пронзающих наше купе, и поймал себя на своей блаженной улыбке. Рука моя застыла на цифре восемь. Всё-таки есть родственные души. Есть.

Екатерина вглядывалась сквозь прищур в сентябрьский пейзаж, проплывающий за окном. Что за воспоминания ласкали её в те минуты? Улыбающиеся губы постепенно становились тоньше и опускали уголки.

– Дочка родилась, когда Миша погиб в командировке в Забайкалье. Через три месяца. Я назвала её Мишель. Ей уже девятнадцать.

Она провела ладонью по щеке.

– Посмотрите, как она похожа на папу, – Екатерина достала из сумочки две цветные фотографии.

На меня смотрели два разных человека, разве только разрез глаз и крылья тонких бровей объединяли их. Мужчина по квадрату лица крепкий и уверенный с прищуренным взглядом, со впалыми щеками, с прямым носом отличался от милой, очень похожей на маму девушки. Ну, да на вкус и цвет... Каждый из нас видит похожесть в любимых людях.

– Правда, как литые?

– Расскажите мне о них.

Екатерина прижала фотографии к груди.

– Пусть они останутся со мной.

Сегодня в доме на краю оврага я перебираю мятые и разглаженные жизнью бумажные листочки из стопки, перевязанной красной лентой. В клетку, в линейку, из блокнота и тетради, с рисунками и редакцией, с беглым и каллиграфическим почерком... Стихи с этих листочков уже давно

оцифрованы и опубликованы на поэтическом сайте.

Мы прощались с Екатериной на пензенском вокзале. Ей нужно в Самару к сестре, а мне до Сердобска.

– Если станете стихота мои опубликовывать, а вы станете, – сказала улыбаясь она, – Мишлен. Катя Мишлен. Так и подпишите.

СТИХИ

А в книжке

Забрызганы стёкла небесным излишком.
Сегодня болеет усталостью туч.
А я погрузилась в зелёную книжку,
И ветром хожу среди провалов и круч.

Застыла на миг с романтической встречей.
И слушаю чувства в разливе любви.
Коктейль упоительный, розово-млечный
Ладощкой проводит по жилам моим.

Притих, ожидая удобной минуты,
Завистливый «друг». В шуме праздничных дней
Не видимы козни, не видима смута,
Не слышно сопение резвых коней.

Карета готова к дороге, и скоро
Я рядышком с кучером в тёмную стынь
Чужую жену от супруга родного
К влюблённому вору везу...

Непростым

Развитием дел нас судьба наделяет.
Не в каждом есть силы узлы развязать.
Какие итоги в финале сияют,
Герою решать. Только жить – не читать.

Удерживать счастье немногие станут.
Немногие смогут дать волю любви.
А зависть за нами следит неустанно,
Улыбкой скрывая замесы свои.
Мы бьёмся... Туда ли?
Мы рвёмся... К тому ли?
А так ли уж сильно хотим сохранить?
В желаниях новых удобства тонули,
И путалась, путалась, путалась нить...

Как водится в книгах, герой – не растяпа:
Догнал, наказал и своё возвратил.
К тому же она его любит хотя бы
За то, что богат и исполненный сил.

Закончилась книга. Закончился дождик.
Вернулся с работы любимый супруг.
«Привет, дорогой! Отобедаешь, может?
Сегодня звонили. Сказали, что друг».

Александрю Блоку

Вы мне писали – я молчала.
Не наступил ещё мой час.
Родиться Катя опоздала.
Теперь не в силах встретить Вас.
Теперь лишь строчки в серой книге
Вас отзвуком ведут ко мне,
Но Ваши образы – лишь блики.
В таком же беспокойном сне
В толпе снующих незнакомцев
Ищу похожего на Вас
Но тщетно. Только Вы есть солнце.
Ваш томик – мой иконостас.
О, мой романтик! Победитель!
Недосягаемый король!
Как жаль, что в миллиардной свите
Я – лишь статист, девятый ноль.

А может, кто-то...

А может, кто-то хочет быть полезным,
А ты его взашей и об коленку,
Его поступки удаляешь в бездну,
И равнодушна с ним, словно со стенкой.

А может, кто-то хочет быть печальным,
Но ты его докучно развлекаешь.
Отсутствие ответа бьёт отчаяньем,
И ты причину холода не знаешь.

А может, кто-то хочет всё, как раньше,
Но ты уже наелась и устала,
В банальности отыскиваешь фальши,
Приметы и дыхание финала.

А может, кто-то хочет... Ты же хочешь,
Чтоб было всё по твоему раскладу.
Но дни без толку переходят в ночи.
Скажи, Катюша, что же тебе надо?

Антиквар владедец времени

Все диковины мира в одном углу.
Собрались здесь все времена.
Высоченный торшер, а под ним на полу
Оловянного войска игра.
И открытки...
Ах, как я открытки люблю!

Оторвавшись, смотрю в полутьму,
И спешу мотыльком, что привязан к огню,
К просвещённому одному.

За дубовым столом, что министру служил,
В кресле, очень похожем на трон,
Равнодушно сидит перед детством моим
Человек...
Король?
Фараон?!

Я теперь никуда. Милый мамин сервиз.
Чай душистый я пью с королём.
Неужели судьба мой явила каприз?!
Как же сказочно в детстве моём!

Астра

(цветок)

На астре в небо
И мне взлететь.
На острие бы
И мне гореть
Последней вспышкой
Сгоревших лет.
Забудь, малышка,
Кошунство бед.
Съедает город мой тихий ход
По тротуару под небосвод.
Иду, купаясь
В исходе дня.
Под ветром маюсь,
Звездой горя.

«Ах, деревня! Дивный воздух!..»

Ах, деревня! Дивный воздух!
Тишина...
Всё так ладно, всё так просто.
Лишена
Здесь искусственных соблазнов
Городских.
Нет здесь даже крохи праздной.
Даже стих
Я пишу, уже зевая,
Перед сном.
Солнце – свет для урожая.
Но не в том
Всё здесь ладно, всё здесь просто
Завсегда —
В том, что видно здесь прохвоста
Без труда.
Ах, деревня! Что за чудо
На миру!
Упиваться буду... Буду!
Не умру!

Баба с возом

Под телегой колёса взвыли.
Закричал полусонный муж:
«Ну-ка, слазь, помоги кобыле!
Не свезти ей семейный гуж».

В грязь и в воду схожу с телеги,
И, вздохнув, за хомут берусь.
Что б не думалось о побеге,
«Потерпи, – шепчу, – Катя. Не трусь».

Знать, у бабы такая доля:
Быть затянутой в стылый быт,
И дышать, лишь когда позволят,
И мечтать лишь когда всё спит.

Но я, женщина – не скотина.
Я красивой желаю быть.
И мужик должен быть мужчиной,
А не пьяным скотником жить.

«Что застыла?» – с телеги слышу, —
«Напрягись! Помогай! Тяни!»
Доля бабская шепчет: «Тише.
Не перечь, Катя. Мужа не зли.

Ты детей от него рожала.
Он – хозяин. Он – рулевой». .
Я тяну, а кобыла пала.
Упираться теперь одной.

Катя. Катенька. Катерина.
Что жалеешь? Таков удел.
Ноют ноги, и тянет спину.
«Да пошло оно всё!»
Предел.

Бабье лето

На берёзах жёлтым цветом осень.

На берёзах лёгкой дымкой вечер.

Не волнует то, что будет после.

Рядом он, и, кажется, навечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.